

Анатолий Васильевич Луначарский

Барух Спиноза и буржуазия

Анатолий Луначарский
Барух Спиноза и буржуазия

«Public Domain»

1932

Луначарский А. В.

Барух Спиноза и буржуазия / А. В. Луначарский — «Public Domain», 1932

«Трехсотлетний юбилей одного из бесспорно величайших мыслителей человечества, Баруха Спинозы, прошел в Европе вяло. Это – всеобщее мнение. Ниже мы пишем о состоявшемся в Гааге спинозовском конгрессе, который, даже на основании самой оптимистической оценки его со стороны организаторов, можно было бы назвать лишь наполовину удавшимся (наша точка зрения приводит нас к совсем иной оценке). Вызванные юбилеем газетные и журнальные статьи весьма поверхностны и официальны. В некоторых газетах, числящихся передовыми органами передовой интеллигенции, статьи были попросту из рук вон слабы и растерянны. Иные буржуазные органы с удивлением отмечали, что советские газеты, „обыкновенно переполненные хозяйственным и техническим содержанием“, нашли возможность посвятить Спинозе целые полосы, причем „статьи советских авторов, может быть, очень спорны, но отнюдь не плоски“...»

© Луначарский А. В., 1932

© Public Domain, 1932

Содержание

I	6
II	8
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анатолий Луначарский

Барух Спиноза и буржуазия

Впервые данная работа А. В. Луначарского была напечатана в журнале «Новый мир», 1933, № 1, стр. 167–181. Мы печатаем ее текст по кн.: А. В. Луначарский. Юбилей. М., 1934, стр. 7–44.

Спиноза в течение жизни А. В. Луначарского не раз был предметом его философских работ, но только в данной работе, написанной в связи с 300–летним юбилеем Спинозы, автор достиг полной ясности в понимании спинозизма и замечательной четкости в изложении его сути.

I

Трехсотлетний юбилей одного из бесспорно величайших мыслителей человечества, Баруха Спинозы, прошел в Европе вяло. Это – всеобщее мнение.

Ниже мы пишем о состоявшемся в Гааге спинозовском конгрессе, который, даже на основании самой оптимистической оценки его со стороны организаторов, можно было бы назвать лишь наполовину удавшимся (наша точка зрения приводит нас к совсем иной оценке).

Вызванные юбилеем газетные и журнальные статьи весьма поверхностны и официальные. В некоторых газетах, числящихся передовыми органами передовой интеллигенции, статьи были попросту из рук вон слабы и растеряны. Иные буржуазные органы с удивлением отмечали, что советские газеты, «обыкновенно переполненные хозяйственным и техническим содержанием», нашли возможность посвятить Спинозе целые полосы, причем «статьи советских авторов, может быть, очень спорны, но отнюдь не плоски».

Одна газета («8 Uhr Abendblatt»), с горечью констатировав вышеотмеченную тусклость юбилея, склонна винить в этом выросшую за последнее время до безобразия волну антисемитизма. Как бы то ни было, но нынешняя упадочная, приближающаяся к своему концу буржуазия равнодушна или враждебна к Спинозе.

Однако, как увидит читатель, некоторые профессора философии, как позитивисты, так и мистики, делают попытки присвоить Спинозу.

Возможность для этого дана самими произведениями великого философа. Она коренится прежде всего в том несомненном факте, что Спиноза был великим выразителем могуче выраставшей голландской буржуазии XVII века.

Если мы прямо поставим перед собой вопрос, является ли Спиноза идеологом буржуазии, то на этот вопрос мы неукоснительно должны ответить: да.

Но если после этого нас спросят: значит ли это, что мы уступаем Спинозу буржуазии, что мы будем равнодушными свидетелями ее проделок над великим философом, что мы с улыбкой будем умывать руки при виде искажений, отрицаний, злобных принижений Спинозы, которыми буржуазия в течение столетий окружало его имя, также при виде тех иудиных поцелуев, какими она от времени до времени (в частности, именно теперь) старается испачкать лик мудреца, чтобы объявить его своим, – то на этот вопрос мы самым решительным образом отвечаем: нет.

Далеко не все то, что принесла с собой буржуазия, оставляет нас равнодушными. Все то, что она принесла действительно ценного, мы оспариваем у нее. Большею частью она, в массе своей, с самого начала отвергала тех своих выразителей, которые смело, беспощадно, гениально делали выводы из объективно ей присущих, но часто плохо ею сознаваемых предпосылок. Позднее же в своих оппортунистических вилияниях, в своих реакционных падениях она оказывалась тем более недостойным наследником ею самой социально порожденных гигантов. В этот период ее признание особенно опасно, ибо великанов мысли и творчества она признает только ценой искажения и принижения их.

Недаром Энгельс говорил, что истинным наследником великих мыслителей и художников буржуазии является пролетариат.¹

¹ Так, Ф. Энгельс, характеризуя положение рабочего класса в Англии, писал: «...Наиболее выдающиеся произведения новейшей философии, политической литературы и поэзии читаются почти исключительно рабочими. Буржуа – раб существующего социального строя и связанных с ним предрассудков; он пугливо отмахивается и отрешивается от всего того, что действительно знаменует собой прогресс; пролетарий же смотрит на все это открытыми глазами и изучает с наслаждением и успешно» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 462*).

Уже давно было сказано, что буржуазные профессора и попы обращались с бессмертным Спинозой, «как с дохлой собакой».²

Для нас же это совсем не так. Если гомеровские греки дали троянцам страшный бой, чтобы отбить у них прекрасное тело Патрокла, то мы будем давать неустанные бои до окончательной победы всем идеологам буржуазии, чтобы отбить у них светочей человечества, которые для нас не только не «дохлые собаки», но даже не прекрасные мертвые тела, а воистину живые силы.

И буржуазия должна прежде всего остеречься самого Спинозы. Недаром он, изящно и глубокомысленно пользуясь своей фамилией, на самом деле обозначавшей только испанский городок, откуда его предки переехали в Португалию (Espinoza), сочинил себе герб в виде розы с надписью: «Caute, quia spinoza est» («Осторожней – колется»).

Из всего этого не следует, чтобы мы наивно готовы были, идя по стопам т. Деборина, принять Спинозу безоговорочно в свой пантеон и объявить его марксистом, а Маркса – спинозианцем. Тут достаточно просто вспомнить мудрое слово Ленина: критическое усвоение.³

В дальнейших главах этой статьи я ставлю себе задачу кратко выяснить, в каком смысле Спиноза был выразителем буржуазии и в каком смысле он наш идеологический предок.

² К. Маркс относительно «вульгарных материалистов» своего времени указывал: они «усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как „мертвую собаку“» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21).

³ В. И. Ленин призывал молодежь, усваивая знания, «усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 305).

II

Бенито Д'Эспиноза (по – еврейски – Барух, по латыни – Бенедиктус) по происхождению своему был самым настоящим буржуа.

Он – потомок довольно длинного ряда крупных еврейских торговцев и ростовщиков, живших сначала в Испании, потом в Португалии, потом во Франции и, наконец, в Амстердаме.

После смерти отца Барух вместе с младшим братом Габриэлем пытался продолжать «дело», т. е. вести экспортно – импортную торговую контору, соединенную с маленькой банковской конторой, – дело, которое, впрочем, уже при отце покачнулось.

Вероятно, Спиноза был неважным купцом, а может быть, ему просто не повезло. Купцы стоят под знаком неверного колеса Фортуны.

Когда Барух решил выйти из «дела», его родственники попытались пустить его по миру. Барух судился с ними и выиграл процесс. Но потом он добровольно отказался от своей части и взял себе из имущества только одну кровать. Так вышел Барух Спиноза из состава имущего класса.

Ближайшая буржуазная среда, окружавшая Спинозу, была синагога.

Амстердамская синагога разрывалась противоречиями. Твердокаменные «ашкеназим»,⁴ руководимые суровым раввином Мортейрой,⁵ имели по горло дела, сопротивляясь натиску мистиков и каббалистов, с одной стороны, и склонявшихся к естествознанию и свободомыслию молодых купцов – с другой. Замечались и тенденции в сторону христианства.

Мальчик Спиноза, о котором один из современников говорит: «Самая внешность этого острого еврейского юноши имела в себе нечто чарующее», – становится на самый крайний левый фланг этого мирка. Он оказывается учеником естествоиспытателя, картезиански мыслящего и заглядывающего дальше картезианства, еврея Хуана де Прадо.⁶ Учитель был выброшен из общины приблизительно в то же время, как и ученик.

На страшные средневековые формулы проклятия, низвергнутые раввинами на голову Спинозы, он ответил спокойным письмом, где писал между прочим: «Вы поступили справедливо, вы заставили меня сделать то, что я и сам собирался сделать по доброй воле».

Далеко не так спокойны были его враги. Один из них покушался убить Спинозу. Двадцатитрехлетний юноша ловко увернулся от ножа и сохранил на память свой камзол, рассеченный ударом.

Так ушел Барух Спиноза из своей ближайшей естественной буржуазно – еврейской среды.

Теперь он не купец и не еврей. Он рад этому.

В сочиненном в это время трактате «Об усовершенствовании разума» имеются замечательные страницы самоанализа и признаний, почти единственное, что говорит нам Спиноза о себе.

На первых страницах этого трактата автор сообщает читателю, что он находится на жизненном повороте и вырабатывает для себя «новый план жизни».

⁴ Ашкеназим – так назывались немецкие и польские евреи, стекавшиеся в Амстердам в XVII в.; португальские же евреи назывались сефардим.

⁵ Один из руководителей еврейской общины – раввин Саул Леви Мортейра (1596–1660). 27 июля 1656 г. он провозгласил «херем» (отлучение Спинозы от синагоги).

⁶ Право, Хуан (Шуан) де (1615–?) – врач из Пикардии, свободомыслящий; возможно, что он посеял зерна вольнодумства в юном Спинозе.

Молодой человек оказывается глубоко разочарованным теми обычными формами буржуазного быта, которым раньше он и сам подчинялся.

По его наблюдениям, окружавшие его люди придавали слишком большое значение целям обманчивым и маловажным, но способным в высокой мере волновать и смущать дух.

По мнению Спинозы, эти цели в общем сводятся к трем категориям: жажде денег, славы и наслаждения.

Спиноза признается, что он и сам был в значительной мере во власти этих «страстей». Можно предположить, что к пересмотру жизни наряду с глубокой серьезностью натуры Спинозы толчком послужили и значительные неудачи на поприще наживы, карьеры и чувственной жизни.

В чем же заключается «новый план» Спинозы? Он говорит об этом несколько глухо: он – де хочет искать истину, хочет искать прочную основу жизни, прочное благо. Но можно ли найти их, спрашивает себя молодой мудрец, «не покидаю ли я блага меньшие, но верные, ради блага гадательного»? Эти сомнения, по словам автора трактата, отпали для него постольку, поскольку он убедился, что уже само искание истины дает высокое счастье и делает человека свободным от «страстей».

Но читатель может спросить нас: не имеем ли мы тут перед собой довольно обычную картину бегства от «мира» к аскетизму? Ничуть. В Спинозе нет ни малейшей доли поповства или монашества. Правда, с этих пор он будет жить лично почти аскетической жизнью, но этот образ жизни продиктован той поистине гигантской работой, которую он возложил на свои плечи. Это – просто образ жизни, наиболее соответствующий избранной им «специальности».

Оставаясь «бюргером», Спиноза уже в этом трактате, как много раз позднее, осуждает принципиально аскетизм, отречение – «дух сокрушен и сердце сокрушено», – провозглашает не только право на радость, но и положение, что радость возвышает человека, растит его силы.

Даже о тех трех категориях страстей, от которых решил уйти Спиноза, он тут же говорит, что страсти эти стоят поперек дороги развитию человека, лишь если он видит в них конечную цель; «если же человек видит в них только средство для более высоких достижений, то они сразу получают свою меру и свой смысл».

Что же за «специальность» выбрал себе Спиноза? Он стал философом; он стал одним из ученейших натуралистов своего века; он стал замечательным математиком; он стал первым критиком Библии и значительным филологом; он стал всеевропейски известным публицистом-политиком.

Но «специальность» Спинозы была шире всего этого.

Она заключалась в том, что он стал идеологом своего класса.

Как смутно сознавали многие передовые буржуа того времени и как с предельной ясностью сознавал Спиноза, буржуазия принесла с собой новый мир, новую культуру. Их сущность заключалась в том, что все – природа, общество, личное поведение – должно было стать светским и рациональным.

Конечно, Макс Вебер⁷ прав, указывая на то, что и иудейство, и во многом подобный ему кальвинизм стремились дать метафизическую и моральную опору стихийно вызванному социальными обстоятельствами духу первоначального накопления, бережливости, обогащения путем «честной торговли» и т. п. Тем не менее религиозные формы и даже философский идеализм, как ни хватаются за них реально господствующие буржуа разных эпох, вовсе не соответствуют основным принципам буржуазного мира. Им в их объективном последовательном развитии соответствовал лишь материализм: монистическая и материалистическая

⁷ Вебер, Макс (1864–1920) – немецкий буржуазный социолог и историк религии.

концепция мира, материалистическая этика, провозглашающая истинную свободу личности на основе понимания законов среды и организма, материалистическая политика, отбрасывающая весь феодальный хлам и строящая разумное общество людей и даже разумное общество народов.

Буржуазия нигде и никогда не осуществила во всей полноте этих своих принципов. Даже «плебейская» революция Франции, даже североамериканская демократия их не осуществили. Эти предельные постулаты законченного буржуазного мира может осуществить *implicite* (включая в себя) и, так сказать, попутно только пролетариат, строящий социализм. Эту истину неоднократно доказывал и Ленин. Именно в этом смысле пролетариат является не только наследником, но и душеприказчиком великих мыслителей буржуазии, несмотря на то что он остается пролетариатом, а они остаются последовательными буржуа, переросшими свой класс именно потому, что класс – то этот так и не дорос до них и до последовательного, революционного выполнения рационализации жизни, даже в узких рамках частной собственности.

Буржуа, погрязший в «гешефтах», редко способен, а может быть, и вовсе не способен подняться до всеобъемлющих формулировок «постулатов» своего класса. Но Спиноза ушел из «дел» и отдался тому, что он считал величайшим делом своего класса, – построению нового, законченного, целостного мирозерцания.

Для этого ему нужно было развернуть новое, несомненное и научное понимание мира, т. е. всего целого – природы; новую, покоящуюся на этой основе систему поведения, т. е. этику, выработать новый взгляд на общественный и политический уклад.

Все это он и сделал. Притом с такой глубиной мысли и таким богатством знаний, с таким верным и строгим чувством, так сказать, стиля новой жизни, что за ним оказалось обеспеченным, несмотря на вызванную им против себя бурю ненависти, высокое место в истории человеческой культуры.

Главным врагом, которого при этом Спиноза вызвал на бой, врагом, ответившим ему звериной злобой, был поп: поп католический, поп еврейский и больше всего поп кальвинистский!

III

Я позволю себе сделать здесь некоторое отступление.

Это будет кажущееся отступление: я хочу сказать несколько слов о старшем современнике Спинозы – Рембрандте ван Рейне,⁸ место которого в истории культуры своеобразно подобно месту Спинозы.

27 июля 1656 года молодой Спиноза был проклят и изгнан из общества евреев.

Накануне стареющий Рембрандт, разорившийся дотла и отвергнутый заказчиками, присутствовал на распродаже с молотка всего своего имущества.

Почти в один и тот же день два величайших бюргера Голландии XVII века и вместе с тем истории человечества ушли прочь из рядов «законного» и «добропорядочного» бюргерства.

С большим чутьем покойный Фриче⁹ характеризовал великого живописца как представителя богемы, не столько сознательно, сколько инстинктивно, по своей природе, не любившего буржуазию и столь же инстинктивно ненавистного ей. Я говорю здесь о современной ему амстердамской буржуазии.

Следует ли из этого, что Рембрандт не был глубоким и истинным представителем буржуазии в искусстве?

Рембрандт был великим, даже величайшим реалистом. Он не только был влюблен в действительность, не только умел с непревзойденным искусством передавать ее всю целиком, любой ее элемент, ее весомость, фактуру, красочность, ее пространственность, определяющую ее видимость борьбу света и тени, – он шел дальше: впиваясь в нее глазами, понимающими глазами гения, он схватывал отдельные ее черты и комбинировал их в образы столь типичные, т. е. столь характерные, что на плоском полотне неподвижные пятна красок давали портрет действительности, казавшийся более действительным, чем оригинал. Рембрандт комбинировал элементы действительности иногда и в целые рассказы, целые поэмы, полные динамики, позволявшие бездонно глубоко заглянуть в драму жизни.

⁸ Рембрандт, Харменс ван Рейн (1606–1669) – гениальный голландский художник – реалист. В его творчестве воплотились прогрессивные демократические тенденции голландского искусства XVII в.

⁹ Фриче, В. М. (1870–1929) – крупный советский литературовед и искусствовед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.